

Мельник Я. Г.

Лодзинський університет (Польща),
Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника

АДРЕСАЦИИ И ПОСЫЛЫ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. АХМАТОВОЙ

Статья посвящена проблеме поэтической картины мира А. Ахматовой, в частности, адресации и посылам в текстах раннего периода творчества. Адресации и посылы рассматриваются как механизмы текстотворчества и категории нарратологии. Они выполняют синергетические функции в текстовом пространстве. В результате проведенных изысканий очерчены адресные доминанты и рецессивы. В поэтическом мире первых двух десятилетий XX века превалирует интровертный тип текста.

Ключевые слова: поэтический текст, адресация, посыл, аксиологический ориентир.

Постановка проблемы. Филологическая наука последних десятилетий взяла четкий ориентир на культурологию, социально-историческую, ментально-эстетическую и пр. гуманитарные сферы. Иначе говоря, филология вышла из берегов жесткого формально-логического подхода к языковому знаку, расширила свое русло, охватив как близкие, так и относительно удаленные объекты и направления. Вследствие этих процессов произошло сближение языкознания с литературоведением, а также в эпицентре языковой системы оказался не только языковой знак, но и человек говорящий, т. е. человек с его сложным и запутанным миром, исканиями, попытками найти себя и ответить на множество жизненно важных вопросов [11, с. 35]. В контексте этих изменений приобрели новое прочтение как социокультурные и исторические факты, так и произведения искусства [3, с. 280]. Таким образом человеческая культура как одна из форм человеческого бытия получила более широкое толкование, предоставила возможность более глубокого проникновения в тайны человеческого «Я» [1, с. 15; 5, с. 18]. Очевидным является также и то, что новая волна гуманитарных открытий и методологических подходов, расширяя возможности исследовательской деятельности, поставила немало новых проблем, обнажила ранее неведомый ландшафт загадок и парадоксов.

Анализ последних исследований и публикаций. На фоне новых тенденций и научных открытий в начале XXI века более выразительно зазвучали вопросы о смысле человеческого бытия, о сущности разума, духовности, Бога; о роли религии в человеческой картине мира. Таким образом, к концу XX – началу XXI веков сформировалась новая парадигма знаний, а также приобрели легализацию такие направления, как лингвокульту-

рология, дискурсология, когнитивистика, семиология и пр. [8, с. 67]. Обобщая новые знания и тенденции, заметим, что в эпицентре всех научных направлений более четко очертился контур человека мыслящего, познающего и переживающего мир [8, с. 6]. А вместе с этим обострились вопросы добра и зла, проблемы разума в мироустройстве, логичность и алогичность человеческой истории. К таким развязкам подтолкнул науку о человеке не только процесс перехода на более высокий научный уровень общечеловеческих знаний, но и XX век как историческая эпоха. Именно в прошлом веке вопреки существующей логике и здравому смыслу началось строительство концлагерей и человек начал сжигать себе подобных в огне крематориев и ядерных взрывов. Ведь по существующей логике после XIX века – эпохи, полной гуманизма, богоискательства, поиска абсолютного добра и всепрощения, – на земле, по мнению многих мыслителей, должны были воцариться мир и божья благодать. Одним из условий такого толкования человеческого бытия были достижения в области анатомизации человеческой духовности, которые были осуществлены в эпоху Л. Толстого и Ф. Достоевского. В связи с этим во второй половине XX века с началом эры философской антропологии был запущен процесс ревизии знаний о мире и человеке. Примечательным является также то, что в этот период было обращено особое внимание на роль языка в системе мироустройства. Ведь именно язык является домом «духа» [11, с. 7–8]. Именно в нем содержатся генокоды сознания, исторический опыт, программы будущего [8, с. 9; 4, с. 134; 10, с. 36].

В языке, слове отражаются человек и его мир подобно тому, как в капле крови отражается орга-

низм с его прошлым, настоящим и будущим. Это парадигма его понимания [6, с. 7; 7, с. 10–11]. В связи с этим особую актуальность приобрели открытия как лингвистов, так и философов, культурологов, семиологов и др. поэтому труды В. Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, Б. Уорфа, М. Бахтина, Д. Лихачова, Ю. Лотмана, Вяс. Вс. Иванова, Ю. Степанова, Н. Толстого, Ю. Караулова, Н. Хомского, В. Воробьева и пр. исследователей приобрели особое звучание в научной полифонии начала XXI века [1, с. 6].

Постановка задачи. Сужая предмет разговора и фокусируя его на произведениях словесного искусства, обратимся к творческому наследию выдающейся поэтессы XX века А. Ахматовой. А точнее, осуществим попытку поиска культурных феноменов и формата их реализации; также попытаемся выявить глубинные философско-эстетические, аксиолого-прагматические, духовные монады ее поэтического мира. В частности, обратимся к адресации, посылам, апелляциям как инструментарию, в котором содержатся коды ее поэтической картины мира.

К слову заметим, что **адресации и посылы** в художественном тексте наделены многослойной структурой, они полифункциональны [9, с. 68]. Тут адресации и посылы – явления, которые обладают определенными синонимическими связями, где адресации – это **конкретная точка в системе эстетических, мировоззренческих, прагматических, аксиологических координат, а посыл – это некий поток духовно-интеллектуальной энергии, астрально-ноосферическая связь со смысловым пространством, своеобразная траектория души, поляризованный поток мысли, процесс перевоплощения в иную форму бытия – духовно-мыслительную энергию, связь с тайной мироустройства, процедура трансформации мысли в иную реальность.** Эта реальность – воображаемый, созданный творческой фантазией мир, на что мы обратим внимание ниже, – не всегда виртуальна. Для автора текстов зачастую это реально существующее измерение, которое порой более реально, чем окружающая действительность. Особенность этих категорий в поэтических текстах еще и в том, что они представлены широким спектром – от визуально доступной, очевидной, читабельной до глубоко имплицитной, латентной формы [3, с. 281–282]. Во всех вариантах адресаций и посылов так или иначе прочитываются движения души, поиски смысла, совершенства, душевная неуспокоенность (иногда боль, отчаяние). В поэтических текстах

А. Ахматовой достаточно обильно представлена широкая гамма обращений, коммуникативных актов – диалогов (внутренних диалогов), монологов и пр., но **посылы и адресации – их энергетическая фокусировка не всегда совпадает с обращениями.** Более того, достаточно часто они представлены в разных плоскостях или под обращениями или диалогами замаскированы посылы с совершенно иной векторной направленностью. Таким образом реализуются тайные движения души, интимный замысел, глубинная внутренняя программа. К слову заметим, что исследуемые нами категории представляют интерес не только в текстах А. Ахматовой, а достаточно интересны и в творчестве других поэтов – поэтов Серебряного века, особенно символистов. Их полинаправленность, конфигуративная сложность всегда сигнализирует о сложности и многообразии внутреннего мира поэта. Часто адресации и посылы являются основным организующим механизмом, моделью душевного состояния. И текстовое пространство манифестирует пространство души поэта. В них сокрыт один из ключей к пониманию эстетической глубины текста.

Адресации и посылы как призма, сквозь которую по-особенному прочитывается пространство поэтического текста, обладает огромным интерпретационным потенциалом. Для нас представляют интерес все варианты материализации этих категорий. В частности, они могут быть представлены в форме легких мазков, завуалированных пастельных штрихов или ненавязчивых эскизных контуров. Адресации и посылы в тексте становятся своеобразной кардиограммой сознания и души, траекторией поиска. С другой стороны, такая интеллектуально-нарративная конфигурация – это всегда осознанное или подсознательное позиционирование себя в пространстве и времени, попытка определиться в координатах человеческого бытия. Эти категории обладают своей природой и законами, а следовательно, требуют специальной интерпретации. Чаще всего источником адресаций и посылов является собственное «Я» или тот мир (лучше – «мирок»), которым очерчены границы авторского «ЭГО», а объект, на который направлена духовная энергия, интенция, может быть представлен любым предметом или объектом в окружающем мире, во вселенной [1, с. 17].

Изложение основного материала. Разным периодам творчества свойственны разные типы адресаций и посылов. И это свойственно творческому наследию большинства поэтов. Для ран-

них периодов творчества А. Ахматовой типичной является «зеркальная модель коммуникации», саморефлексия, обращенная к сокровитному глубинному «Я», к собственным переживаниям. В отдельных случаях это конкретизированный или абстрактный «он», чаще без имени собственного. Это некий субъект, собеседник, который в отдельных случаях является плодом фантазии, вымыслом или виртуальным субъектом, но который все же обладает пространственно-временной конкретикой. Иначе говоря, адресации и послылы в художественном тексте – это важная категория (коммуникативная, эстетическая и пр.), неотъемлемый элемент текстового организма.

В творческом наследии А. Ахматовой представлена целая палитра объектов и субъектов, на которых фокусируется коммуникативная энергия текста. Но, как было выше замечено, в текстах раннего периода творчества чаще всего фигурирует собственное «Я». Тексты раннего периода – это рефлексии, разглядывание себя в зеркале действительности и интерпретация собственного «ЭГО» в контексте любви, переживания первых (ранних и весьма эмоциональных) чувств. Это «отражение отражения» и стремление постичь свой собственный мир, смысл бытия. Этот период творчества обозначен неким дуализмом, оппозицией и антиномией – это «я» и «ты». Автор не называет имени своего собеседника или адресата своего душевного послыла, а только использует местоимения «ты», «он», «она» и др. Эти морфологические категории приобретают черты конкретно-исторических и биографически обозначенных личностей, а в некоторых случаях сохраняется конфиденциальная, неопределенная, лишняя персонификации сущность. И текст по своим структурным параметрам приобретает черты намёка, маленькой тайны.

*Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...*

В этих строках автор рефлексиирует над программой своей жизни и водит в текст собеседника, который является источником императива, автором интертекста. И тут послы подвергается своеобразной энтропии, провоцирует растерянность и сомнение.

Для раннего периода творчества А. Ахматовой типичной является тема любви, но главным апеллативом является не любовь (вернее, не всегда любовь), а, скорее всего, само чувство.

*И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала...*

В богатой гамме смысловых бликов и еле уловимых реминисценций создается впечатление театра «света и тени», где все играет, все мгновенно и быстротечно, – своеобразный калейдоскоп эмоций и впечатлений, где каждое мгновение – состоявшийся факт жизни, всегда искренний и немного болезненный. Неотъемлемым элементом этого периода творчества А. Ахматовой являются два элемента – «я» и «он», а также «тут» и «там». «Там» у поэтессы – это не только фрагмент временного и географического пространства, это форма иного бытия, то, что находится за пределами ее мира. Также в тексты помещены элементы, которые являются нежелательными и чужеродными, но лишиться их невозможно.

*Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час перед закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».*

Для текстов этого периода характерны неопределенность и поиск собственного «я». Адресации и послылы находятся в контурах других апеллативов и своеобразных метаний, поиска приоритетов. Нередкими явлениями этого периода являются раздвоенность и разочарование, а также отсутствие жизненной логики. Но богатый мир эмоций, переживаемых чувств делает палитру жизни полноценной и многоликой.

*Сжала руки под томной вуалью...
– Отчего ты сегодня бледна?
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.*

Неизбежным элементом картины мира и жизненного сценария автора становится эпизод прощания, расставания и осознания бессмысленности всего происходящего.

*Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».*

Или:

*Он любил три вещи на свете...
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
... А я была его женой.*

Легкая безнадежность, иногда подкрашенная юношеским максимализмом и излишней эмоциональностью, довлеет над адресациями и находится под влиянием внутреннего беспокойства, отчасти неприкаянности, безысходности.

*Высоко в небе облачко серело,
Как большая расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»*

Адресации и послы в поэтическом наследии раннего периода сопровождаются определенной колористикой, звуковой гаммой и температурными особенностями. Что касается последнего, то обращает на себя внимание акцент на холодных тонах и низких температурах. Т. е. краски, цветовая гамма осенне-зимнего диапазона. Хотя тексты создавались в период ранней молодости, в период жизненного апогея и обостренно-романтического мировосприятия, который ассоциируется с весной, цветением, яркими красками, обновлением, периодом, полным надежд и положительных эмоций, автор все же отдает предпочтение холодно-минорному диапазону, который свойственен более старшему поколению, людям, умудренным жизненным опытом.

*Я не хочу ни горечи, ни мизенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой.
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой.*

Или:

*В узких каналах уже не струится –
Стынет вода.*

Или:

*Тополя тревожно прошуршали,
Нежные их посетили сны.
Небо цвета вороненой стали,
Звезды матово-бледны.*

В обозначенном жизненно-творческом периоде представлен еще один тип послы и внутренней чувственно-сентиментальной апелляции – это искусственное временное дистанцирование событий и пережитых чувств, это осознанное переворачивание страницы жизни. Это перевод событий из настоящего времени или перфекта в плюсквамперфект и чувственно-эмоциональная обработка этого фрагмента жизни. Обращение к ним как к картинкам из далекого прошлого. Прошедшее время для поэтессы – это особая категория. В прошедшее направлены не только воспоминания. Она продолжает его переживать в настоящем, голографирует его, и пережитое становится жизненным опытом. Прошедшее, пережитое так же актуально, свежо и важно, как и настоящее.

*Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.*

Поэтесса создает интимный и интровертный, отчасти виртуальный, мир, но переживает его как реальную действительность. Т. е. стихотворным текстом создает модель «платоновской пещеры» – стены, на которой отражаются реалии бытия. Они важны и ценны, поскольку являются частью реальной жизни. События мира реального и виртуального сливаются и создают целостность, которую и называем поэтической картиной мира. Пережитые события мира виртуального создают четкую фактурную поверхность, уникальное эстетическое пространство, за которое мы ценим мир искусства и поэзию А. Ахматовой в том числе. (Тут уместным будет вспомнить историю смерти А. Болконского и переживание этого события Л. Толстым).

В творческом наследии А. Ахматовой моменты и сюжеты из прошлого представляют некую тайну, которая не подлежит разглашению. Она хранит их и обращается к ним как к сакральным образам. Этой тайной является не только «Он», «Ты», «Тогда», «Когда-то» – без имени собственного. Использует только местоименные формы. Следует артикулировать внимание на том, что тайна и апелляция к ней, послы, адресация ей переживаний тонкой паутиной вплетается во все творчество А. Ахматовой. Становится его органическим целым. Яркой иллюстрацией этого является поэтический текст «Сероглазый король».

*Слава тебе, безысходная боль,
Умер вчера сероглазый король...
...Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу...*

И дальше весьма утонченными мазками создает ажурную картину жизненных событий, в которой читатель угадывает, раскрывает тайну жизни и любви:

*...А за окном шелестят тополя,
Нет на земле твоего короля...*

И эта недосказанность подчеркивается многозначием в конце последней строки. Происходит своеобразный обрыв судьбы и повествования. И это Боль и переживание не только лирического героя, но и автора. Создается голограмма жизни и вымысла. Они сливаются и образуют мир поэзии. Но важно также и то, что читатель в свою очередь становится увлеченным этим миром, становится его частью, сочувствует и сопереживает.

Следует добавить, что поэтесса с заметным постоянством использует недосказанность, оборванную строку. Преждевременный уход со сцены становится стилистическим приемом и тем самым с еще большей иллюкутивной силой увлекает читателя в свой мир ценностей и эстетики.

Нет на земле твоего короля...

Или:

...Упала, окутала ложе...

О, ты не напрасно смеялась,

Моя непрощенная ложь!

В ранней поэзии А. Ахматовой достаточно рельефно представлен бег времени. Конец великого пути, итог человеческой жизни выделяются на фоне общих тем, проблем, событий. Поэтесса анатомирует мир чувств, эмоций, переживаний в контексте смерти. В поэтическом наследии этого периода конечно все, все приходит в одной и той же черте, к своему временному пределу. Увядание природы, быстротечность молодости и человеческой жизни, неизменная конечность и смертность любви (ее – любви неудержимое стремление перейти в категорию прошедшего времени) красной нитью проходит через поэтическое творчество раннего периода. К ней обращен внутренний духовный посыл автора.

Я ответила: «Милый, милый!

И я тоже. Умру с тобой...»

Или:

Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело

Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

Или:

Не целуй меня, усталую, –

Смерть придет поцеловать...

Я молчу. Молчу, готовая

Снова стать тобой, земля.

Апелляция к смерти, исследование ее как данности, созерцание и попытка осмыслить суть человеческого бытия в контексте его неизбежной конечности проходит через все творчество А. Ахматовой. Для раннего периода характерной является тематическая привязка к чувству любви, эмоционального непостоянства, быстротечности и калейдоскопической изменчивости внешнего мира и внутреннего состояния. Экзистенция и философская сущность жизни и любви обозначены кратковременностью и конечностью, очерчены жесткими временными рамками. Боль от быстро уходящей жизни присутствует во многих поэтических текстах этого периода.

В поэтическом творчестве А. Ахматовой в течение первых двух десятилетий XX века богатым и многоликим представлен мир природы. Пейзаж и его элементы органически вплетаются в картину поэтического мира автора. Мир природы не является объектом или предметом адресаций и

посылов, а скорее системой эмоционально-эстетических координат – фоном, декорацией. Но они весьма важны для общей картины переживаний действительности. Мир цветов, растений, явлений природы – не просто фон, скорее всего части общей эстетической совокупности, которые дают возможность и способствуют реализации внутренних программ, чувств, переживаний, а также с оптимальной выразительностью передать всю сложность орнаменталистики мироощущений. Поэтому в поэтических текстах этого периода многогранность флоры, сложная палитра явлений природы, а также богатая картина переживаний и чувств представляет собой единый эстетический комплекс, формируют полную и реалистичную картину бытия поэтессы.

Свежих лилий аромат и слова твои простые. Дверь полуоткрыта, веют липы сладко... Между кленов шепот осенний попросил: «Со мною умри!». *Веселым солнцем это утро пьяно и на террасе запах роз слышней... Я несу букет левкоев белых. Для того в них тайный скрыт огонь... Целый букет принесут роз из оранжереи... На коленях в огороде лебеду поля... Над трепещущей осиною легкий месяц заблестел... Замечаю все как новое, влажно пахнут тополя... Знаю: гадая, и мне обрывать нежный цветок маргаритку... Жужжит пчела на белой хризантеме, так душно пахнет старое саше. Последний луч, и желтый, и тяжелый, застыл в букете ярких георгин... Сладок запах синих виноградин... Дразнит опьяняющая даль.*

В качестве важных фоновых элементов, которые делают послы и адресации более выразительными и смысловосущими, являются краски и звуки. Поэтический мир А. Ахматовой наполнен гаммой сложных и иногда гротескных звуков и звуковых композиций, которыми автор иллюстрирует событийную линию. Конфигуративная сложность звуковой палитры охватывает широкий спектр жанрово-стилистических форм. И, по нашему мнению, мир фонических иллюстраций заслуживает отдельного и самостоятельного исследования:

Гаснет, и крик ворон становится все слышней. На землю саван тягостный возложен, торжественно гудят колокола... Умеет так сладко рыдать в молитве тоскующей скрипки... И мальчик, что играет на волынке, и девочка, что свой плетет веноч... Круг от лампы желтый... Шорохам внимаю... На террасе силуэт знакомый, еле слышен тихий разговор... Страшно мне от звонких воплей голоса беды... И как во сне

я слышу звук виолы и редкие аккорды клавишин. А за окном шелестят тополя: «Нет на земле твоего короля...» И замирает острый крик отсталых журавлей. С колоколенки соседней звуки важные текли... Иволги кричат в широких кленах и пр.

Симфоническое и отчасти шнитковское звучание ахматовского стиха декорируется флорическими элементами (на что уже обращалось внимание!) и обогащается колористической гаммой. Стихотворный текст А. Ахматовой как многослойный конгломерат культурных, психоэмоциональных, эстетических, мировоззренческих и пр. слагаемых погружается в мир красок, свойственный именно ахматовским текстам. Для раннего периода творчества характерны размытые, пастельно-холодные тона, с которыми контрастируют вкрапления светлых пятен мерцающих свеч, солнечного луча, яркого цвета свежесорванных роз. (Следует заметить, что мерцание как определенное состояние окружающего мира проходит сквозь все поэтическое творчество А. Ахматовой и становится своеобразной тремолой ее мировосприятия, а также влияет на механику посылы и адресации, которые испытывают эту вибрацию и теряют свою прямолинейность. В текстах это мерцание луча, мерцание воды, мерцание свеч и пр., равно как и лиц, людей, событий, чувств, воспоминаний, хрупких надежд). Иногда этот лишенный тепла полупрозрачный и пастельно-нежный цвет переходит в алый цвет заката, который наполняет текстовое пространство романтической тревогой или предчувствием веды, боли, разочарования.

Вечер осенний был душен и ал... Молюсь оконному лучу – он бледен, тонок, прям... сквозь стекло лучи дневные известь белых стен нестрят... Тот же голос, тот же взгляд, те же волосы льняные. У кладбища направо пылил пустырь, а за ним голубела река... Смотреть, как гаснут полосы в закатном мраке хвой... – А теперь я игрушечной стала как мой розовый друг какаду... Не люблю только час перед закатом, ветер с моря и слово «уйди»... И моют светлые дожди его запекшуюся рану... ...И две в лесу скрестившихся тропинки, и в дальнем поле дальний огонек... Круг от лампы желтый... Шорохам внимаю.

Говоря о температурных особенностях ахматовских полотен, следует заметить, что в них превалируют северные, петербургские, царскосельские цвета и оттенки. Из этого следует: несмотря на то, что поэтесса с юных лет впитала пейзаж средней полосы, в частности Украины, все же северные краски, цветовая гамма прибалтийской

природы ей ближе по своему содержанию, звучанию, значению.

Выводы и предложения. Таким образом, исследуя специфику поэтического наследия А. Ахматовой, рассматривая ее сквозь призму идейно-стилистического своеобразия в контексте использования адресаций, посылов, удалось определить их орнаменталистическую особенность. Она заключается в том, что в период творчества первых двух десятилетий в текстах доминируют такие элементы как эмоции, чувства любви, разочарования, грусти, душевного беспокойства и боли, воспоминания о недавно потерянной любви; отчасти неустроенности в этом мире и сложные отношения с окружающей действительностью, рефлексии над феноменом быстротекущей жизни и неизменности потерь; своеобразная пространственная градация – пространство природы, узких аллей и парков неба и космоса, с одной стороны, и пространство комнатки – замкнутого пространства – с другой. Поэтесса рефлексировала над проблемами мироустройства и переживаемых чувств на фоне грусти и одиночества, тихого диссонанса с реальным миром. Хотя несовершенство окружающей действительности, неизбежность потери, а зачастую и смерти прописана на заднем плане своеобразной дополнительной линией, но оно присутствует в поэтическом пространстве, и в итоге возникает отдаленная ассоциация с врубелевско-лермонтовским Демоном. При этом автор непременно находился в поиске, в глубоких рассуждениях о себе, мире, жизни. В этот период творчества мы не обнаруживаем четких контуров и более-менее сформированной парадигмы, которую представляли бы такие концепты (базисные категории сознания) как родина (отечество), семья (родители), Бог (выразитель высшей справедливости, добра и совершенства), родные места и чужбина (тоска, ностальгия по родному пепелищу), свобода (как осознанная необходимость, попытка освободиться от бремени существующей реальности), революция и прочие социальные трансформации, преклонение перед великими авторитетами прошлого или настоящего (император, лидер партии), привязанность к конкретной личности (к мужчине; и зависимость от его любви) и т. п. Все рефлексии над бытием в текстах А. Ахматовой очерчены личностными переживаниями своего времени, а также глубинными психологическими исканиями, в эпицентре которых находится собственное «Я». Но в этих исканиях прочитываются

глобальные и извечные вопросы человечества – это проблемы добра и зла; вечности и быстротечности; любви и ее безысходности перед бегом

времени и т. д. Таким образом, эти особенности ставят творческое наследие А. Ахматовой в один ряд с самыми выдающимися поэтами всех эпох.

Список литературы:

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. М.: Флинта, Наука, 2012. 288 с.
2. Ахматова А. А. Бег времени / А. А. Ахматова. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 382 с.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Вітгенштайн Л. Філософські дослідження / Л. Вітгенштайн. Київ: Основи, 1995. 311 с.
5. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. М.: Академический проект, 2007. 495 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 264 с.
7. Корнилов О. А. Языковые картины мира / О. А. Корнилов. М.: КДУ, 2011. 350 с.
8. Крымский С. Б. и др. Эпистемология культуры / С. Б. Крымский. Киев: Наукова думка, 1993. 216 с.
9. Мельник Я. Г. Лингвокультурные параметры функционирования обращения приветствий и адресации в русском коммуникативном пространстве: на материале эпистолярной XIX – начала XX вв. В кн.. Функциональная лингвистика. Георусистика. Лингводидактика / Я. Г. Мельник. Симферополь: Азбуковник, 2015. С. 63–82.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова. М.: Восток-Запад, 2010. 314 с.
11. Язык и наука конца XX века / Язык. М.: Рос.гос.гуманит. ун-т, 1995. 432 с.

Мельник Я. Г. АДРЕСАЦІЇ ТА ПОСИЛАННЯ (ПОСИЛИ) У РАННІЙ ТВОРЧОСТІ А. АХМАТОВОЇ

Стаття присвячена проблемі поетичної картини світу А. Ахматової, зокрема, адресації та посиленням у текстах раннього періоду творчості. Адресації та посилення розглядаються як механізми текстотворчості та категорії наратології. Вони виконують синергетичні функції у текстовому просторі. У результаті проведених досліджень окреслені домінанти та рецисиви. У поетичному світі перших двох десятиліть XX ст. переважає інтровертивний тип тексту.

Ключові слова: поетичний текст, адресація, посилення, аксіологічний орієнтир.

Melnik Ya. G. ADDRESSES AND LINKS (MESSAGES) IN THE EARLY CREATIVITY OF A. AKHMATOVA

The article deals with the problem of A. Akhmatova's poetic worldview, and in particular the addressee orientation and messages in the early period works of her creative activity. Addresses and links are seen as mechanisms of text-making and categories of narratology. They perform synergistic functions in the textual space. As a result, addressee orientated dominants and recessives are highlighted in the research. In A. Akhmatova's poetic world of first two decades of the twentieth century the introverted text type is prevailed.

Key words: poetic text, addressing, message, axiological reference.